

3 А НЕСКОЛЬКО десятилетий в Киргизии создан национальный хореографический театр такого уровня и масштаба, для формирования которого нужен куда больший срок. До Великой Октябрьской революции здесь не было не только балетного театра, но и даже традиций народного танца. Теперь же мы увидели в Москве сложные хореографические спектакли, вдохновленные народными легендами и сказаниями, передающие сложный темп современности, мы убедились, что мастера балета республики успешно осваивают прекрасные произведения классической хореографии, как «Лебединое озеро», «Шопениана», «Жизель», которая была показана во время гастролей.

Балет М. Раухвергера «Чолпон» — прекрасная легенда о верной и чистой любви, об извечной борьбе добра со злом, о победе света. Широко используя народные мелодии, ритмы, композитор придает им возвышенно-романтическое, увлекательно-театральное звучание. Его партитура создает великолепную основу для многокрасочного и действенного зрелища. Так же театрально выигрышно в оформлении художника А. Арефьева — его фантазия создает на сцене чудеса сказочных преобразений и превращений.

Наиболее яркий сказочный образ балета — злая Айдай. Она представлена в двух обликах — в образе уродливой, жестокой старухи и обольстительной коварной красавицы. Артистке, исполняющей эту роль, требуется немалое мастерство, чтобы добиться внутреннего единства, сложного и противоречивого облика. Партию Айдай танцует Б. Бейшеналиева, прославившаяся киргизская балерина, ставшая в один ряд с крупнейшими мастерами советского балета. Она создает образ не только театрально эффектный, значительный, но и психологически сложный. Невзвешенная злоба переплетается у Айдай с жестокой ревностью, тщеславием, болью, и за сказочным образом в истолковании актрисы вырисовывается живой человеческий характер. Артисты, исполняющие партии Чолпон (А. Токомбаева) и Нурдина (У. Сарбагшиев), создают дуэт редкой пластической мягкости, чистоты, внутренней одухотворенности. Обаяние внешнего облика Токомбаевой, мягкость, красота певучего танца при серьезной хореографической школе представляют ее талантливой лирической танцовщицей.

К сожалению, балетмейстер Н. Туменов не до конца использует возможности музыки М. Раухвергера, в некоторые его композиции лишены настоящего образного являния, не отличаются безупречной музыкальностью. Несколько монотонен и тривиален рисунок дуэта, в котором хотелось бы видеть больше богатства хореографических оттенков, нюансов. Спектакль был бы более динамичен и действен, если бы тема борьбы Чолпон со злыми силами была решена конфликтно-действенно.

Несмотря на эти недостатки, спектакль хорошо принимается зрителями, ибо в нем, как уже говорилось выше, живет яркое сказочное и национальное начало. Оно живет в интересной партии Айдай, в выразительных танцах Джия (артист Т. Шартеев), во многих массовых танцах, изображающих во встревоженных, злых приспешников Айдай, то ликующий народ, разудалый в победе добра над злом.

Закономерен путь киргизского театра от сказочно-эпических спектаклей к балетам на тему современности. Известно, что именно эта тема представляет для балетного искусства наибольшую трудность. И то, что киргизский театр берется за такую задачу и успешно решает ее в таком спектакле, как «Асель» (музыка В. Власова), свидетельствует о его несомненной художественной зрелости.

Естественно, что киргизский театр не мог пройти мимо образов, созданных замечательным киргизским писателем Ч. Айтматовым в

действенной лаконичности, сдержанности внешних приемов и средств она создает образ, пленяющий удивительной женственностью и достоинством. Актриса убедительно соединяет мягкость и нежность Асели с ее неподкупной твердостью, гордостью, со строгим, требовательным отношением к жизни и к людям. Целомудренная, благозвучная лирика айтматовской прозы получает наиболее тонкое пластическое воплощение в талантливой психологической игре Бейшеналиевой, правдивости и искренности ее сценических эмоций. Артистка С. Молдобасанова в роли

светлое и радостное впечатление, потому что его герои обладают светлой нравственной силой, способной преодолеть любые жизненные горести и испытания.

На сцене киргизского театра идут многие произведения хореографической классики. И вполне закономерно, что одно из них — балет «Жизель» — был включен в гастрольный репертуар. Правда, несколько спорным представляется, что «Жизель» идет в один вечер с камерным произведением на музыку «Болеро» Равеля. Балетмейстера С. Абдужалилова привлекала задача создания полифонической танцевальной картины, передающей изумительное ритмическое и динамическое нарастание музыки Равеля. Этому замыслу соответствует и решение художником А. Арефьевым сценического пространства, когда на разных плоскостях располагаются интересно вылепленные группы танцующих. Этому замыслу отвечает и тщательным образом разработанная гамма костюмов, и прием многократного повторения асамбля танцевальных тем солистки, технически и темпераментно выполняемых С. Молдобасановой. Но, к сожалению, верный замысел не явился убедительного воплощения. Лейтмотивы оказались однообразными и бедными, а главное, они не получили подлинного полифонического развития. Весьма странным кажется, что балетмейстер вводит в свои композиции элементы движений современного западного танца типа твист. Это никак не соответствует духу и стилю музыки Равеля.

Киргизский балет, несомненно, испытывает самое благотворное влияние прославленной академической школы ленинградского балета, многие видные киргизские танцовщики и танцовщицы являются воспитанниками этой школы.

Это влияние ясно видно в спектакле «Жизель», бережно в известной ленинградской редакции восстановленной К. Тер-Степановой и отлично отрепетированном И. Левченко и Р. Уразгильдяевым. Главные исполнители — артисты кордебалета хорошо чувствуют стиль балета, стремятся сохранить чистоту и строгость классических композиций. Р. Чокоева создает трогательный образ Жизели. Музыкальность актрисы, тщательное выполнение всех танцевальных нюансов партии, мягкая кантаблежность танца делают ее достойной исполнительницей одной из самых трудных партий классического репертуара.

Б. Алимбаев, танцующий партию Альберта, следует замечательной традиции одного из лучших исполнителей этой роли — К. Сергеева. Альберт Алимбаев — герой романтического спектакля, благообразный и изящный в манере сценического поведения, легкий и грациозный в танце. Устремленность актрисы, пластическое аккомпанемент в дуэтом танце позволяют ему верно воплотить нужный характер.

В своих гастрольных спектаклях киргизские балетные актеры обнаруживают поливинную хореографическую и сценическую культуру (что особенно очевидно в воплощении жемчужины мировой хореографии — балета «Жизель»), яркую театральность, умение придать танцу самобытный национальный колорит в балете «Чолпон» и, наконец, смелость и правдивость в создании образов современности, которым посвящен балет «Асель».

Н. ЭЛЬЯШ.

БАЛЕТ

Сцена из балета «Асель». В заглавной роли — народная артистка СССР Б. Бейшеналиева. Фото А. Бертика.

КИРГИЗИИ

повести «Тополек мой в красной косынке», образов, в которых с такой тонкостью и глубиной воплощена поэтическая душа народа. Балет Власова «Асель» впервые был воплощен на сцене Большого театра. Уже одно это налагало большую ответственность на молодого киргизского балетмейстера У. Сарбагшиева. К его чести, он не пошел по пути повторения и подражания. Созданный им спектакль самостоятелен и самобытен. Может быть, самое ценное в нем то, что балетмейстер, стремясь к созданию симфонически развитых хореографических композиций, к сложной полифонии танцев, сумел насытить спектакль тонкими национальными чертами и нюансами. Здесь нет подчеркнутости национального пластического орнамента, прямых цитат народных плясок. Национальная тема раскрывается как бы изнутри в особой поэтической цельности, характере его героев. Прежде всего это относится к главной героине балета Асель — Бейшеналиевой. При пре-

Кадия прибегает к краскам более резким и острым, в ее танце есть и напряженный драматизм, и немного подчеркнутая бравада внутренне отчаявшегося человека. Интересно мужские образы балета. Б. Арунов в технически сильном, смелом и экспрессивном танце передает порывы, падения и взлеты необузданного и горячего Ильаса. Его артистический темперамент заставляет верить в сложные и крутые повороты судьбы Ильаса, глубину его раскаяния, искренность нравственного прозрения. У. Сарбагшиев в роли Байтемира суров и сдержан. Но за этой мужественно-благородной сдержанностью ясно ощущаются и боль, и одиночество, глубокая нежность к Асели и способность к самоотверженности.

Художник А. Арефьев своим оформлением стремится создать обобщенно-возвещательные образы киргизской природы, причем образы эти неразрывно связаны с душевным состоянием героев.

Спектакль оставляет удивительно

Эль. Шукшур, 1980, 2 июля